

беседы о мастерстве

— Дело обстоит так. В этом году я не снялся ни в одной кинокартине, хотя мне пришлось прочитать довольно много сценариев, где мне предлагали роль. У меня хватает недостатков, но я не капризен. Когда я читал сценарии, у меня было полное ощущение, что все это я уже знаю.

Для актера самое страшное — повторяться. Вы мне, конечно, сейчас же скажете: а Жан Габен? Он действительно грандиозно играл великолепно найденную маску, но есть же актеры и другого плана. Мне очень дорога возможность внутренне меняться. Актеру дороги неожиданная радость, возможность удивиться самому и удивить зрителя.

В прочитанных сценариях я не обнаружил ни радости, ни неожиданности. Но в этом же году я снялся в трех телевизионных фильмах и был доволен. Случайности я в этом не вижу: у меня во всяком случае сложилось впечатление, что на телевидении идут напряженные поиски интересного и разнообразного литературного материала. Могу сослаться на свой опыт. Острый психологический сценарий «Назначение», где я играю сразу две роли, комедия «Адам женится на Еве» и, наконец, телефильм «Старый Новый год». Уж тут-то, казалось, я отработал роль в театре, триста раз сыграл. Но на телевидении пьеса обрела новое и, пожалуй, более яркое звучание.

Могу сослаться и на опыт других моих коллег. Разве не знаменательно, что Татьяна Лиознова сняла сейчас «Мы, нижеподписавшиеся» по сценарию, от которого некогда отказался кинематограф?

— Выходит, вы отдаете предпочтение телевидению перед кинематографом?

— С чего бы это? Я объясняю кинематографу своими лучшими ролями. Просто в каждом конкретном случае я отдаю предпочтение более интересному материалу. На данном этапе телевидение ко мне щедрее. Видимо, поэтому я так его и нахваливаю. Но и претензий у меня, уже как у зрителя, к телевидению достаточно. Так сказать, со стороны.

Телевидение принуждено терпеть наши повышенные требования, если угодно, капризы. Часто ли вы ходите в кинотеатры? Допустим, нередко. Телевидение же ежедневно выдерживает «марафон» общения с нами. Оно, как никакое другое искусство, на виду. А у популярности, поверьте мне, есть большие накладные расходы. Плохой фильм на экранах может пройти и незамеченным. Неудачная же телепередача на следующий день становится предметом всеобщего придирчивого обсуждения. Мы, как говорится, в курсе дела. Впрочем, в этом внимании, возможно, как раз залог нынешних и будущих успехов телевидения.

Александр Калягин — разносторонний актер. Мы видим его в спектаклях Художественного театра, где последняя его премьера — Тригорин в «Чайке». Мы нередко видим его в кино. И тут же на память приходит «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Но при всей «многожанровости», пожалуй, особое внимание привлекают сейчас его работы на телевидении. Вот почему первый вопрос, обращенный к заслуженному артисту РСФСР Александру Калягину, был именно об этих его ролях.

Александр КАЛЯГИН:

Наедине с вами

Не сталкиваю ли я кино и теле? А почему бы и нет? Пусть конкурируют. От этого мы все только выиграем.

— Но равны ли условия «борьбы»?

— В кино пока больше простора, больше времени отводится на работу.

Телевидение может пригласить самых раскрепощенных актеров. Но режиссерские кадры в кино сильнее. Весьма. Это объясняется и более зрелым возрастом кинематографа.

Зато у телевидения шире диапазон: от репортажа до многосерийного гиганта. Впрочем, это же многообразие и усложняет его задачу. В каждом жанре надо найти свой путь, воспитать своих мастеров. Эта мозаичность не всегда складывается в гармоническое полотно. А мы ведь требуем, чтобы каждая передача была на высоком интеллектуальном и художественном уровне. И это резонно, поскольку телевидение держит руку на пульсе всей сегодняшней жизни.

Обратите внимание, насколько стройно и насыщенно ведутся такие передачи, как «Международная панорама», «Очевидное — невероятное», «В мире животных». Как прекрасно они исполняются, именно исполняются. Это полной мерой относится и ко многим передачам 3-й программы. Телевидение научилось умно и увлекательно подавать серьезный материал.

Но куда исчезает увлекательность в развлекательных передачах? Представляете — скучное развлечение? Это же величайший парадокс! Буквально на днях я смотрел «Утреннюю почту». Обидно, когда в твоём присутствии люди скучно и плоско шутят. Просто изнываешь от чувства неловкости — до чего же доморощенный конференс. Надо или найти достойную форму, или отказаться от этой передачи. Впрочем, было бы несправедливо упрекать в скуке только ее. Могу при-

вести еще достаточное количество примеров...

— Видимо, это претензии к литературному материалу?

— К нему. Именно к нему. В его отборе требуется больше вкуса и жесткости. Когда телеспектакль уже готов, появляется много строгих судей, которые требуют что-то прояснить, что-то убрать, что-то даже переснять. Но где же этот жесткий контроль, когда решается вопрос о литературном материале еще до съемок?

Я понимаю людей, которые выбрали для работы «Тайну Эдвина Друды» или «Между небом и землей». Но что двигало людьми, создавшими трехсерийный фильм по сценарию, который никак не отнесешь к творческим удачам?

Мне в свое время его показали — достаточно было на выбор посмотреть несколько мест, чтобы все понять. Какие-то скучные, схематичные персонажи непрерывно ходят друг к другу и жалуются, говорят затертые фразы, которые в жизни и не услышишь. Я, естественно, отказался. Поэтому и не привожу названия этой работы. Такой сценарий никакие режиссеры, никакие артисты спасти не могут.

Даже как-то неудобно «впадать» в анализ — автор не копнул, не разглядел, не поднялся, грешит штампами и т. д. Эти оценки сами уже стали штампом. Но если мы все так хорошо понимаем, зачем же принимать к производству подобные тексты? Зрителей надо пожалеть.

— А актеров?

— Это чрезвычайный вопрос. Актер изнашивается не от количества работ, а от количества плохих работ.

Я всегда с напряженным профессиональным интересом смотрю хорошие фильмы, спектакли, дотошно слежу за интонациями, находками, монтажом. Не пропустить бы, запомнить. Но иногда с не меньшим интересом гляжу и плохие работы. Это вроде «антишколы» — вот до этого уровня опускаться

нельзя. Бытует представление — хорошего актера не испортишь. Чепуха! Еще как испортишь. Иногда актер страдает не по своей вине — уже в ходе съемок оказались разные взгляды с режиссером или беспрерывные купюры искажают роль. Но иногда хороший актер и сам «идет» на плохой материал, чего делать нельзя. Кто же будет играть в плохих пьесах? Да никто. Это прекрасный выход из положения. Вот так мы, может быть, и «отрегулируем» репертуарную политику.

— Александр Александрович, вышло уже достаточно теоретических трудов о специфике телевидения. Не могли бы вы поделиться своими взглядами на этот вопрос как практик?

— В актерском деле есть один очень важный момент. Припомните, как вы в детстве слушали сказки. У вас же было полное ощущение соучастия. Вот ведь в чем талант вашей бабушки или мамы — вы слушали и как бы видели, как бы жили в этой сказке. Этой же магии требует телевидение. Актер должен обладать чувством зрителя, его сопереживающей к действию. В этом одна из тайн Аркадия Райкина. Ты понимаешь, что в зале сотни людей. Они, как и ты, смеются, задумываются. Но у тебя полное ощущение, что артист в контакте именно с тобой, только с тобой. На телевидении таких высот достиг, пожалуй, только Ираклий Андроников. Сегодня он! прямо скажем, хрестоматий.

Впрочем, с огромным интересом, даже удивлением я вспоминаю Алексея Каплера. Он знал эту тайну. Писатель, киновед, прекрасный рассказчик — можно много говорить о его разносторонности, — но самое главное: был еще некий крошечный коэффициент. И вот этот «телекоэффициент» переводил все его качества в новое измерение. И зритель уже сопричастен. Или, скажем, удивительное умение Натальи Крымовой держать в фокусе сразу три точки — себя, собеседника и телезрителя. И экран перестает быть демаркационной линией.

Нечто подобное я испытывал на себе, когда вел передачу о Чарли Чаплине. Актер извечно должен передавать зрителям чужие мысли, а тут я говорю сам, для конкретного человека, который сидит сейчас у телевизора. И понимает именно меня. А я — его. Внутренний контакт. Это не заигрывание со зрителем, не эксплуатация своего обаяния, не располагающие к себе улыбки. Это именно внутренний контакт. И тогда возникает импровизация. Ведь любой человеческий разговор и есть импровизация. Я уверен, что в телепередаче — и репортаже, и спектакле — должна быть эта основа: контакт с каждым из миллионов телезрителей.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.